

© 2008 г. А.Е. КИБРИК

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ*

Предлагается авторское понимание исследования языка под когнитивным углом зрения. Хотя когнитивная структура не дана нам в непосредственном наблюдении, язык, будучи непосредственно связанным с мышлением, предоставляет множество объективных косвенных свидетельств организации когнитивной структуры. Рассматривается возможность лингвистической реконструкции когнитивной структуры, основанной на гипотезе когнитивной мотивированности языковой формы. Технология такой реконструкции демонстрируется на материале конкретных языковых данных из разноструктурных языков. Исследуются два важнейших понятия: (а) когнитивная сопряженность (непосредственная связь между когнитивными единицами, теснейшим образом коррелирующая с самыми различными аспектами языка, характеризующимися повышенной связанностью семантических/концептуальных/когнитивных элементов) и (б) лингвистическое явление маркированности, коррелирующее с когнитивным оператором нормы/отклонения от нормы.

0. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Еще в 1921 году Эдвард Сепир в концентрированной афористической форме сформулировал презумпцию будущей когнитивно ориентированной лингвистики:

С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью. ...Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения... Вопреки распространенному, но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль... Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некотором смысле составляют одно и то же¹ [Сепир 1921/1993: 36, 193].

В этом неразрывном единстве, о котором говорит Сепир, язык является не самодеиствующим, а вспомогательным инструментом, обеспечивающим мыслительную деятельность. Языковая и мыслительная деятельность разворачиваются согласованно и параллельно, в результате чего надъязыковая когнитивная структура и символизирующие ее элементы линеаризованной озвученной вербальной структуры образуют неразрывное единство. Если это так, то структура языка в значительной степени предопределена когнитивной структурой, хотя не идентична ей. В отличие от конкретных идиоэ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 05-06-80288.

¹ From the point of view of language, thought may be defined as the highest latent or potential content of speech, the content that is obtained by interpreting each of the elements in the flow of language as possessed of its very fullest conceptual value. ... At best language can but be the outward facet of thought on the highest, most generalized, level of symbolic expression. ...It is not, as is generally but naively assumed, the final label put upon the finished thought. ... Language and our thought-grooves are inextricably interrelated, are, in a sense, one and the same (E. Sapir. Language. New York, 1921/1949: 14–15, 217–218).

нических языков когнитивная структура является общечеловеческим достоянием, и естественно предположить, что она практически универсальна.

Хочу подчеркнуть, что я не случайно говорю о когнитивном подходе к языку, не употребляя существующего термина когнитивная лингвистика. С одной стороны, этот термин получил широкое хождение и, став модным, в известной мере был, к сожалению, скомпрометирован из-за вульгарного его применения. Он пока еще очень ассоциирован с конкретными именами лингвистов, называющих свою деятельность этим термином, и зачастую используется совсем не в том понимании, которое я имею в виду. С другой стороны, в западной лингвистике имеется тенденция приватизировать этот термин как брэнд конкретной лингвистической теории. Это, прежде всего, теория Лангакера (см. [Langacker 1987–1991; Ченки 1997]) со своим формализмом для представления когнитивных структур. Такой формализм нагляден своим иконизмом при описании некоторых концептов, связанных с ориентацией и движением в пространстве, однако он совершенно непригоден как общий метод, прежде всего из-за своего априоризма – методологической тенденции, унаследованной от критикуемого Лангакером генеративизма.

В этой связи не следует также упускать из вида концепцию Н. Хомского, которую также иногда связывают с когнитивной лингвистикой. Хомский, не используя данного термина, неустанно говорит о генеративной лингвистике как о единственной теории, ответственной за решение проблемы языка и мышления (начиная с его давней работы [Хомский 1972]; см. также [Хомский 2005; Chomsky 2005]). В действительности же основным когнитивным постулатом для него в течение десятилетий был постулат о врожденной языковой способности, о гене языка, а коль скоро это так, то проблема наследования языком когнитивных механизмов сама собой снималась. Если «дар языка» врожден, то язык по существу с когнитивной способностью не связан, и можно моделировать дар языка безотносительно к когнитивной способности. В настоящее время в теории Хомского произошел существенный перелом, и он добавил к генетическому дару (Genetic endowment), основному фактору, который, наряду с языковым опытом (Experience), ответствен за развитие языковой способности личности, новый (третий) фактор, – принципы, не являющиеся специфическими для языковой способности (Principles not specific to the faculty of language) [Chomsky 2005: 6]. Он не соотносит эксплицитно этот «третий фактор» с когнитивной способностью², но ничто не мешает ему в некоторый момент это сделать.

Таким образом, ввиду крайне многообразных трактовок содержания термина «когнитивная лингвистика», я не готов в данной статье говорить от имени этого научного направления в целом и выскажу свое собственное его понимание, которое, как я хотел бы думать, отражает далеко не только мои взгляды, хотя в некоторых аспектах является сугубо авторским.

Теоретически имеется два пути установления отношений между процессами языковой деятельности (и стоящими за ними языковыми структурами) и мыслительными процессами (и стоящими за ними когнитивными структурами):

² «Returning to the three factors of language design, adoption of a P&P [Principles and Parameters] framework overcomes a difficult conceptual barrier to shifting the burden of explanation from the first factor, the genetic endowment, to the third factor, language-independent principles of data processing, structural architecture, and computational efficiency, thereby providing some answers to the fundamental questions of biology of language, its nature and use, and perhaps even its evolution» (Если вернуться к трем факторам устройства языка, принятие теории принципов и параметров преодолевает трудное концептуальное препятствие, перенося бремя объяснения с первого фактора генетического дара на третий фактор независимых от языка принципов обработки данных, структурной архитектуры и вычислительной эффективности, тем самым предоставляя некоторые ответы на фундаментальные вопросы о биологии языка, о его природе и использовании, и даже, быть может, о его эволюции.) [Chomsky 2005: 9].

- от мышления к языку или
- от языка к мышлению.

К сожалению, на практике первый путь пока еще недостаточно перспективен ввиду недостаточности наших знаний о механизмах и единицах мышления (что не исключает в дальнейшем появления возможностей продуктивного использования этого пути). Наоборот, в настоящий момент второй путь может не только объяснить, почему языки устроены так, как они устроены (а это является главной целью лингвистической теории), но и способствовать реконструкции существенных характеристик собственно когнитивной структуры.

В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы:

- в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру.

Этот постулат является базовым, он противопоставлен постулату де Соссюра о произвольности языкового знака³. Идея Соссюра глубоко укоренилась в сознании лингвистов XX века и лишила их важнейшего из познавательных ресурсов, буквально повсюду рассыпанных в языковых данных.

Постулат о мотивированности не утверждает, что «отражение» является элементарным одно-однозначным отношением. Когнитивную природу языка наивно искать в свидетельствах прямолинейных совпадений когнитивного и языкового членений. Если бы это было так, все языки были бы структурно идентичными. В действительности же мы наблюдаем бесконечное разнообразие наблюдаемых языковых структур. Однако это разнообразие не хаотично. Напротив, за ним скрывается достаточно жесткая семиотическая логика, ограничивающая варьирование наблюдаемой языковой формы и устанавливающая истинные связи между языковыми формами и когнитивными структурами. Обнаружение и описание этой логики является целью лингвистической реконструкции.

Исходным материалом для реконструкции могут быть системные отношения между языковыми формами одного языка (метод внутриязыковой реконструкции) или системные отношения между сопоставимыми языковыми формами многих языков (метод межъязыковой реконструкции).

Ниже я попытаюсь проиллюстрировать на конкретных языковых примерах технологию лингвистической реконструкции когнитивной структуры. При этом я ограничусь рассмотрением двух довольно абстрактных понятий – когнитивной сопряженности и маркированности, применимых в самых различных компонентах языковой структуры и обладающих большой объяснительной силой и когнитивной значимостью.

³ Вообще говоря, для Соссюра произвольность знака сводилась к произвольности фонетических оболочек непроектируемых слов (то есть корней), хотя производные слова уже имеют очевидную семантическую и, следовательно, когнитивную мотивацию (обнаружением ее занята традиционная этимология), не говоря о широчайшем диапазоне всевозможных конструкций, современных аналогов традиционного знака (грамматика конструкций по Филлмору [Fillmore, Kay 1993; Croft 2001]), среди которых непроектируемые слова представляют лишь один вырожденный тип конструкции. Однако постулат Соссюра получил расширенное толкование, позволяющее игнорировать внешнюю форму содержательно близких конструкций (ср. русские *вытянуть руку*, но *шевелить*, *махать рукой*: различное падежное управление считается произвольным свойством соответствующих глаголов). Однако за этим различием могут быть обнаружены достаточно глубокие мотивации, если следовать постулату о мотивированности.

1. КОГНИТИВНАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ

При всей размытости и нечеткости современных представлений о когнитивной структуре, можно сформулировать несколько очевидных аксиом, таких как:

- когнитивная структура, в отличие от языковых структур, не является линейной и не ограничена одно- или двухмерным пространством;
- единицы когнитивной структуры связаны между собой, и эти связи могут быть более или менее тесными, то есть можно говорить о когнитивном расстоянии между когнитивными единицами.

Если принять последнюю аксиому, то существенно выделять в особый класс ближайшие, непосредственные связи, поскольку опосредованные связи естественно мыслить как цепочки непосредственных когнитивных связей на множестве когнитивных единиц, входящих в когнитивную структуру. Будем называть непосредственную связь между когнитивными единицами когнитивной сопряженностью.

Лингвистическим основанием для введения такого понятия служит то обстоятельство, что при рассмотрении самых различных аспектов языка возникает необходимость введения когнитивного понятия, указывающего на повышенную связанность семантических/концептуальных/когнитивных элементов. А это, в свою очередь, значит, что по организации языковой формы можно реконструировать организацию когнитивной структуры.

Рассмотрим некоторые грамматические области, предоставляющие свидетельства существования и природы когнитивной сопряженности.

1.1. Ограничения на организацию линейной структуры предложения

Согласно первой аксиоме, фундаментальное различие между когнитивной и языковой структурами состоит в многомерности первой и одномерности (линейности) второй. В этой связи встает вопрос о том, автономно ли расположение элементов в линейной цепи языковой структуры от топологических свойств стоящей за ней когнитивной структуры и если нет, то в какой степени линейная структура произвольна.

Известно, что есть языки с жестким порядком слов, но также немало языков с так называемым свободным порядком слов. Репрезентативным примером языков первого типа является английский, а второго – русский. В русском языке, отвлекаясь от контекста, допустимы многочисленные перестановки слов (знаком + помечены грамматически правильные предложения, знаком * – недопустимые предложения):

(1a) + *Все смешалось в доме Облонских.*

(1б) + *В доме Облонских все смешалось.*

(1в) + *Все в доме Облонских смешалось.*

(1г) + *Смешалось все в доме Облонских.*

и т. п.

Однако не любые перестановки все-таки возможны:

(2a) * *Все в доме смешалось Облонских.*

(2б) * *Смешалось в доме все Облонских.*

(2в) * *Облонских все смешалось в доме.*

В 60-е годы в лингвистический обиход было введено понятие проективности, накладывающее формальное ограничение на линейную структуру предложения. Оно было сформулировано в терминах поверхностного дерева зависимостей: возможны только такие ориентированные (отображающие линейный порядок слов) деревья зависимо-

стей, в которых дуги-стрелки не пересекают друг друга и перпендикуляры, опущенные из узлов дерева на слова, которые они символизируют. Например, проективно и грамматично предложение на схеме 1.

Схема 1

К грамматически неправильному предложению приводит перестановка слов с нарушением закона проективности, см. схему 2.

Схема 2

Это правило объясняет невозможность многих альтернативных словоупорядков для предложения той же синтаксической структуры. Однако это правило отказывает в грамматичности некоторым вполне допустимым словоупорядкам, см. схему 3.

Схема 3

Структура на схеме 3 непроективна ввиду того, что придаточное определительное зависит от соотносительного местоимения *такое*. Ввиду этого доминирующее существительное *предложение* разрывает структуру *такое, которое удовлетворяет условию проективности*. Если считать, что придаточное непосредственно зависит от существительного *предложение*, структура становится проективной. Однако, несмотря на то, что

синтаксическое дерево на схеме 3 непроективно, интерпретируемое им предложение является грамматически правильно. Чтобы устранить этот конфликт, можно изменить дерево зависимостей и переподчинить придаточное предложение имени *предложение*. Однако данный конфликт не всегда можно таким образом устранить, см. схему 4.

Схема 4

В этом случае переподчинение придаточного предложения вершине главного невозможно. Значит ли это, что понятие проективности не соответствует данным? Скорее, формализм, избранный для формулирования данного понятия, не вполне адекватен. Здесь не место углубляться в интерпретацию и усовершенствование синтаксических формализмов, но можно перевести ограничение на линейный порядок слов на более глубокий когнитивный уровень:

- Рядоположенное в мысли по умолчанию является рядоположенным в линейной структуре предложения.

Из этого следует, что линейный порядок единиц синтаксической структуры не является произвольным, а в значительной степени предопределяется когнитивной сопряженностью элементов когнитивной структуры. Отклонения от этой тенденции только подчеркивают ее существование и заслуживают углубленного анализа и объяснения.

1.2. Составная именная группа (генитивная/посессивная конструкция)

В структуре всякого языка имеется по крайней мере одна конструкция, объединяющая (как минимум) два предметных концепта. Синтаксически эта конструкция реализуется как составная именная группа, содержащая в своей структуре, кроме вершинной именной группы, одну или несколько зависимых именных групп, например: *[[рука] [матери]]*, *[[ручка] [двери]]*, *[[серп] [жнищы]]*; *[[тихий лепет] [[серебристой листвы] [тополей]]]*.

Разные языки могут выражать связь между главной и вставленной именной группой по-разному: маркированием в зависимой составляющей, ср. родительный падеж в русском языке; в главной составляющей, ср. так называемый изафет в иранских языках (*себ-и духтар* 'яблоко девушки' с показателем изафета *-и* при главном имени *себ* 'яблоко'); в обеих составляющих, ср. так называемое сопряженное состояние в арабском языке (главное имя имеет безартиклеву форму, а зависимое оформляется родительным падежом); служебным словом, ср. английский предлог *of* в *the hand of the mother*, или простым соположением именных групп.

Существенно с семантической и когнитивной точки зрения, что между концептами, выражаемыми именными группами, всегда существует некоторое смысловое отношение. Так, между именами в *рука матери* имеется семантическое отношение 'часть тела—обладатель', в сочетании *ручка двери* — 'часть—целое', в сочетании *серп жницы* 'обладаемое — обладатель', в сочетании *сестра Татьяны* — отношение родства и т.п.

Что объединяет все эти отношения? В них иногда усматривают различные реализации посессивного значения: зависимый концепт является обладателем (посессором), а главный – обладаемым. Поэтому часто такие конструкции называют посессивными.

Однако если включить в рассмотрение все случаи реализации такой конструкции, например, в русском языке, то окажется, что частных значений довольно много (более двадцати), и далеко не во всех можно признать наличие значения посессивности, например:

капля крови – отношение экземпляра ('явление/сущность/вещество – экземпляр ~');
литр вина – отношение количества ('вещество – количество вещества');
спутник Земли – отношение смежности ('сущность – смежная сущность');
дым папирасы – отношение продукта ('сущность/деятель – продукт ~');
карта России – символическое отношение ('сущность – символ сущности');
круг зрителей – отношение формы ('сущность – форма сущности');
крушение парохода – субъектное отношение ('субъект события – событие');
ремонт пути – объектное отношение ('объект события – событие');
вуаль печали – метафорическое отношение ('сущность – метафора сущности').

Все попытки сформулировать единый инвариант, входящий в толкования всех этих значений, оказываются безуспешными. Из этого не следует, что посессивная конструкция не имеет мотивации. Объединяет все реализации этой конструкции не некое абстрактное семантическое отношение, генерализующее смысл конкретных отношений, а базовое когнитивное отношение когнитивной сопряженности концептов, характеризующихся минимальным когнитивным расстоянием между ними.

Кстати, если вернуться к предыдущему разделу об ограничениях на линейную структуру, именно посессивные конструкции наиболее непроницаемы для слов, внешних по отношению к данной составной именной группе.

Имеется немало языков, которые в наблюдаемой синтаксической структуре допускают только контактное расположение когнитивно сопряженных именных групп, образующих составную именную группу. Такую конструкцию называют конструкцией с внутренним посессором. Однако также немало языков, имеющих альтернативные конструкции, в которых когнитивно сопряженные именные группы не образуют единой составной именной группы. Такие конструкции называют конструкциями с внешним посессором.

Конструкция с внутренним посессором

- (3а) Я сунул все деньги [**в его карман**].
 (4а) [**Их мать**] давно умерла.
 (5а) С нас лились [**ручьи горячего пота**].
 (6а) Вдруг Клара схватила [**мою руку**].

Конструкция с внешним посессором

- (3б) Я сунул все деньги [**ему**] [**в карман**]. (ЭП)
 (4б) [**Мать**] [**у них**] давно умерла. (ЭП)
 (5б) [**Горячий пот**] лился с нас [**ручьями**]. (ЭО)
 (6б) Вдруг Клара схватила [**меня**] [**за руку**]. (ЭО)

В примерах (3б–4б) обладаемое находится в той же позиции, что и в (3а–4а), а посессор находится не внутри составной именной группы, как в (3а–4а), а в автономной синтаксической позиции и оформлен дательным падежом (см. 3б) или предложной группой с предлогом у (см. 4б). В таких случаях будем говорить об экстрапозиции посессора (ЭП) из составной ИГ.

В примерах (5б–6б) вне составной ИГ, в отличие от (5а–6а), находится обладаемое и оформляется творительным падежом (см. 5б) или предложной группой с предлогом за (6б). Что касается посессора, то он находится в той позиции, которую в (5а–6а) занимает обладаемое. Такую конструкцию будем называть конструкцией с экстрапозицией обладаемого (ЭО).

Существенно, что семантическая связь между концептами в этих синонимических парах сохраняется. Таким образом, конструкции с внешним посессором являются альтернативным способом кодирования когнитивной сопряженности.

Следует иметь в виду, что далеко не во всех случаях возможно выражение когнитивной сопряженности концептов обоими способами. Во многих случаях допустима только конструкция с внутренним посессором:

(7) [**Чувство слабости**] сказывалось во всем.

А иногда только конструкция с внешним посессором:

(8) Бабка ловко стегнула [**Симу Симакова**] [**по рукам**] крапивой.

Выбор типа конструкции в русском языке предопределяется множеством факторов, которые описываются в работах [Кибрик 2000; 2003; Кибрик и др. 2006].

1.3. Предикатно-аргументная структура

Базовым свойством предикатных слов является их способность предопределять наличие в предикации одной или нескольких именных групп (актантов), обозначающих участников описываемой предикатом ситуации. Например, глагол *бежать* требует указания на того, кто бежит, а глагол *убивать* – на того, кто убивает и кого убивают. В отечественной литературе эту способность объясняют наличием у предикатного слова семантических валентностей [Апресян 1976], в зарубежной лингвистике принят термин семантическая (или тематическая) роль. Состав семантических валентностей с указанием на их ролевые характеристики и морфосинтаксические средства их оформления называют моделью управления, в теории глубинных падежей Филлмора [Fillmore 1968] аналогичный конструкт называется падежной рамкой. Часто также говорят о предикатно-актантной структуре.

По проблеме семантических ролей существует огромная литература, но в контексте интересующей нас проблемы совершенно очевидно, что предикатные валентности есть не что иное, как отношение когнитивной сопряженности. Предикат обозначает некоторую типовую ситуацию, в которой задействованы участники со своими типовыми ролями. Ситуация и ее участники онтологически (по природе вещей) когнитивно сопряжены. Наряду с онтологической возможна также ситуативная когнитивная сопряженность, и в этом случае говорят о сирконстантах предиката. Введение ситуативных участников в структуру высказывания не предопределяется исходным смыслом предиката.

Итак, когнитивная сопряженность является базовым когнитивным отношением между любыми концептами, как предметными, так и событийными. Когнитивная сопряженность между концептом события и концептами его участников реализуется в предикации в форме предикатно-аргументной структуры. Но это не исключает наличия в ряде случаев когнитивной сопряженности не только между предикатом и его аргументами, но и между аргументами предиката. Типичным случаем является, например, наличие при глаголах типа *давать/отнимать* актанта-адресата/источника, онтологически когнитивно сопряженного с актантом-пациентом по собственно посессивному отношению, например:

(9а) *Я знаю, кто дал моему братишке землянику* <перспективная посессивность>.

(9б) *Я знаю, кто отнял у моего братишки землянику* <ретроспективная посессивность>⁴.

Следует упомянуть также когнитивную сопряженность актанта с ролью Инструмента/Средства и актанта с ролью Агенса, например:

⁴ Косвенным подтверждением такого анализа является существование языков типа фула, см. [Коваль, Нялибули 1997: 77, 203, 233], в которых при глаголах *давать* [что, кому] и *отнимать* [что, у кого] актант-адресат и актант-источник выражаются одинаково: это означает, что соответствующее средство кодирует не адресата и источник, а собственно отношение когнитивной сопряженности этих актантов с пациентом.

(10а) *Тупо топая болотными сапогами, из-за забора вырвался капитан-фотограф* (Коваль Ю. Самая легкая лодка в мире)⁵.

(10б) *Девочка со всей силы ударила козу кулаком* (Гайдар А. Тимур и его команда).

Концепты *капитан-фотограф* и *сапоги* (в первом предложении) и *девочка* и *кулак* (во втором) когнитивно сопряжены: сапоги однозначно мыслятся как надетые на ноги капитана-фотографа, а кулак как часть тела девочки.

Можно полагать, что наличие в языке независимых средств разрывного выражения когнитивно сопряженных предметных концептов системно поддерживает формирование конструкций с внешним посессором, параллельных конструкциям с внутренним посессором. И наоборот, наличие когнитивной сопряженности между предикатом и его ядерными актантами мотивирует оформление субъекта и объекта родительным падежом при номинализации предиката, например: *пение птиц* (родительный субъекта), *убийство Кеннеди* (родительный объекта).

1.4. Парадигматические лексические ассоциации

Давно известно, что многие лексические единицы находятся в системных парадигматических отношениях друг с другом, например:

- семантическое поле;
 - родовидовые отношения;
 - отношение 'тип – экземпляр';
 - синонимия – антонимия;
 - метафора – метонимия – синекдоха;
 - ассоциативные словарные связи;
 - семантическая структура многозначного слова
- и др.

Эти и подобные им словарные связи естественно интерпретировать как проявление когнитивной сопряженности в области лексики. Существенно, что эти словарные связи относятся к лексическим универсалиям, общим для всех естественных языков.

1.5. Кластеры грамматических категорий

Типологические исследования последних десятилетий убедительно показали, что грамматические категории являются не автономными независимыми сущностями в структуре языка, а вступают друг с другом в тесные системные отношения. Следы этих отношений можно в изобилии наблюдать в синхронии и диахронии естественных языков. Никким образом не претендуя на полноту, укажу лишь на некоторые типичные языковые «подсказки» такого рода.

Часто наблюдается, что в разных языках некоторое грамматическое значение морфологически амальгамируется с другими грамматическими значениями. Например, показатель эргатива может совпадать с показателем *инструмента* и/или *комитатива*.

Некоторые грамматические категории имеют тенденцию к морфологическому слиянию, например, *вид*, *время* и *наклонение*.

Значения некоторых грамматических категорий имеют тенденцию к особой сочетаемости со значениями других грамматических категорий. Таков кластер грамматических категорий:

- лицо, императив, оптатив;
- комитатив и конъюнкция;
- вид и акциональность;
- семантическая роль, лицо, референтность.

⁵ В некоторые авторские примеры были внесены несущественные для исследуемого явления (но облегчающие восприятие) изменения, например, замена местоимения на полную номинацию или опущение деепричастного оборота.

Лицо, референтность и одушевленность в некоторых языках образуют иерархии, коррелирующие с семантической ролью соответствующих участников ситуации, см. ниже.

В языках с родовой классификацией имен наблюдается нетривиальное сочетание со значением числа: категории рода и числа функционируют в языке не независимо, а образуют особые кластеры⁶.

Проводящиеся в последнее время исследования путей грамматикализации также демонстрируют наличие когнитивной сопряженности мотивирующего лексического и производного грамматического значений, см. [Майсак 2005].

Представляется, что рассмотрение упомянутых в этом разделе языковых явлений в перспективе генерализующего понятия когнитивной сопряженности позволит в будущем выйти на принципиально новый уровень обобщения всех этих как бы независимых языковых явлений.

2. МАРКИРОВАННОСТЬ (КОГНИТИВНЫЙ ОПЕРАТОР НОРМЫ)

Обычно полагают, что это понятие пришло в лингвистику из фонологии. Действительно, оно играет большую роль в теории фонологических оппозиций Н. Трубецкого [Трубецкой 1939/1960], в которых маркированный член противопоставляется немаркированному, например:

МАРКИР.:	НЕМАРКИР.:
b, d, g	p, t, k
p', t', k'	p, t, k
b, d	b, d
ā, ī, ū	a, i, u
ā, ī, ū	a, i, u

В терминах значений параметров (различительных признаков) в так называемых привативных оппозициях маркированный член звонкости⁷ противопоставляется немаркированному члену незвонкости, абруптивность, имплозивность согласных, долгота, назализованность гласных являются маркированными членами по отношению к соответствующему нейтральному немаркированному члену.

В действительности автором идеи маркированности (признаковости vs. беспризнаковости в русском первоисточнике) является Р. Якобсон, еще в 20-е годы использовавший его в связи с исследованиями стиха и культуры [Jakobson 1990: 135], а в 1930 году обсуждавший его в переписке с Н. Трубецким [Jakobson 1985: 162–163], опять же придавая ему широкое толкование⁸. В 1932 году он пользуется им при описании

⁶ В известной степени это проявляется и в русском языке, где некоторые исследователи усматривают в числе не столько словоизменительные, сколько словообразовательные свойства.

⁷ В действительности ситуация в языках мира сложнее, направление маркированности может различаться в различных языках или по рядам согласных в пределах одного языка (С.В. Кодзасов, личное сообщение), что находит свое объяснение в принципе обратимой маркированности, о котором см. ниже.

⁸ Отвечая на замечание Н.С. Трубецкого в письме от 31.8.1930 г. о том, что «по-видимому всякая (а м.б. и не всякая?) фонологическая корреляция приобретает в языковом сознании форму противопоставления наличия какого-нибудь признака его отсутствию (или максимума какого-нибудь признака его минимуму)», Якобсон пишет: «Думаю, что она [высказанная Трубецким мысль] будет иметь значение не только для лингвистики, но для этнологии и истории культуры, и что такие историко-культурные корреляции, как *жизнь – смерть, свобода – несвобода, грех – добродетель, праздники – будни* и т.п., всегда сводятся к отношениям *а – не-а*, и что важно установить для каждой эпохи, группы, народа и т.д. – что является рядом признаков. Например, для Маяковского *жизнь* была признаковым рядом, реализуемым только при мотивировке, для него не *смерть*, а *жизнь* требовала мотивировки». В конце этой цитаты Якобсон явно формулирует будущее понятие обратимой маркированности, о которой см. ниже.

грамматических категорий русского глагола [Jakobson 1932/1971], выделяя, среди прочих, следующие оппозиции:

<i>МАРКИР.:</i>	<i>НЕМАРКИР.:</i>
соверш. вид	несоверш. вид ⁹
пассив	актив
личные формы (1/2лицо)	неличные формы (3 лицо)
1 лицо	2 лицо
мн.ч.	ед.ч.

2.1. Маркированность в грамматике

В дальнейшем понятие маркированности приобрело особую значимость в типологическом описании асимметрии грамматических параметров в работах Дж. Гринберга, см. [Greenberg 1966; Croft 2003: 87–100, 156–157]. Стало очевидно, что понятие маркированности применимо не только к двоичным параметрам, но и к многочленным (о такой возможности Н. Трубецкой говорит в вышеприведенной цитате), и бинарное противопоставление «маркированность vs. немаркированность» является лишь частным случаем более общего противопоставления «(наи)более маркированный vs. (наи)более немаркированный», и с точки зрения маркированности значения параметра образуют иерархию возрастания (убывания) маркированности.

Важным достижением в теории маркированности было обнаружение объективных критериев установления иерархии маркированности. Гринбергом были предложены формальные тесты различения маркированных и немаркированных значений языковых параметров, такие, как:

- структурный (количество фонетического материала, мера алломорфизма, словоизменительный потенциал, дистрибутивный потенциал);
- статистический (текстовая частота);
- имплицативный (см. ниже).

Типологическая значимость теории маркированности состояла в том, что при огромном разнообразии языковых параметров и состава их значений иерархическая организация (степень относительной маркированности) значений большинства, хотя и не любых параметров следует некоторой универсальной логике, не зависящей от конкретного языка. Так, если в некотором языке имеются грамматические средства различения единственного и множественного числа, значение множественного числа в нем является маркированным, а значение единственного – немаркированным. Если грамматическая категория числа имеет значения единственного, двойственного и множественного числа, то с точки зрения маркированности они образуют такую иерархию:

ед. < мн. < дв.

Эта иерархия соответствует следующей имплицативной универсалии: если в языке представлено более маркированное значение, то в нем имеются и все менее маркированные значения. Таким образом, возможны языки:

- а) не имеющие категории числа,
- б) имеющие грамматически выраженное ед. и мн. число,
- в) имеющие грамматически выраженное ед., мн. и дв. число,

⁹ Универсальность данной интерпретации была впоследствии оспорена, см., в частности [Comrie 1976: 21, 111–122], хотя она реализована в русских толковых словарях и в русских входах словарных статей глаголов в двуязычных словарях.

а языки, имеющие грамматически выраженное ед. и дв. число или мн. и дв. число, невозможны¹⁰.

Иерархия маркированности для категории времени имеет вид:

наст. < прош. < буд.

Согласно этой иерархии, возможны языки:

- а) не имеющие категории времени,
- б) имеющие грамматически выраженное наст. и прош. время,
- в) имеющие грамматически выраженное наст., прош. и буд. время,

а языки, имеющие грамматически выраженное наст. и буд. время или прош. и буд. время, невозможны.

Позитивные утверждения (а–в) эмпирически многократно подтверждаются данными многих языков, а эмпирических данных, противоречащих отрицательным утверждениям, не зафиксировано.

Следует подчеркнуть, что такого рода обобщения формулируются не априорно, исходя из логического анализа категориальных значений, а базируются на наблюдаемых грамматических явлениях, представленных в естественных языках.

Какова же природа этой логики? Когнитивный подход к языку постулирует ее надъязыковую, когнитивную природу, не зависящую от структур конкретных языков. С точки зрения этого подхода языковая маркированность есть производное от когнитивной маркированности, а именно:

- не маркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей,
- маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (неестественному, неожиданному) положению вещей.

Нормальное, естественное, ожидаемое положение вещей входит в когнитивный гештальт человеческого опыта и концептуализируется с минимальной затратой ментальных вычислительных усилий (активируется по умолчанию), а отклонения от гештальта для их активации требуют дополнительных вычислительных ресурсов.

Естественно полагать, что когнитивный оператор нормы не является неким логическим абсолютом, отражающим природу вещей *per se*. Когнитивная норма принципиально антропоцентрична, она ориентирована на человека, на присущий человеку как биологическому виду способ организации и обработки информации. Этот способ является единым для всего человечества, и он во многом ограничивает разнообразие естественных языков. И в этом смысле можно говорить о лингвистических универсалиях. Эти универсалии не есть нечто иррациональное, берущееся неизвестно откуда. Они мотивированы единством человеческой когнитивной способности. Что касается языковой маркированности, то она всевозможными допустимыми лингвоспецифическими способами отображает в языковых структурах когнитивный оператор нормы/отклонения от нормы.

Что касается категории числа, то в когнитивной перспективе наиболее естественно, ожидаемо мыслить о единичных сущностях, и активация таких сущностей осуществляется по умолчанию¹¹. Если сущностей более чем одна, имеет место отклонение от нормы, такое значение маркировано по сравнению с единичностью. Если одинаковых сущностей именно две, в когнитивной перспективе это еще большее отклонение от нормы.

¹⁰ Более подробное и всестороннее описание типологии числа см. в [Corbett 2000].

¹¹ Это касается конкретно референтных сущностей. Для нереферентных сущностей дефолтным является родовой денотативный статус, см. ниже.

В отношении времени дефолтное (немаркированное) время – это время речевого акта, являющееся в когнитивной перспективе исходной точкой отсчета. Грамматическое значение настоящего времени идентифицирует время реального события, находящегося в актуальном поле наблюдения, с временем речевого акта. По отношению к нему реальные события, предшествовавшие речевому акту, находятся в ретроспективном поле наблюдения, и их временная локализация является когнитивно маркированной. Что касается будущих событий, то они не являются реально наблюдаемыми. Они локализованы в мире предполагаемых, не существующих в реальном мире событий. Активация таких событий требует больших вычислительных усилий, чем реальных событий в настоящем и прошлом.

Подчеркнем еще раз, что такую интерпретацию когнитивной онтологии числа и времени, порождаемой принципом когнитивной нормы (маркированности), подсказывают языковые данные, а не спекулятивный логический анализ.

2.2. Обратимая маркированность

Рассмотрим сперва понятие обратимой маркированности на знакомом читателю языковом материале.

В русском языке существительные имеют грамматическую категорию числа, различающую единичные сущности (ед. число) и множественные сущности (мн. число): *На столе стоит чашка* vs. *На столе стоят чашки*. Важным формальным свойством данной грамматической категории является ее обязательность в русском языке¹²: каждое существительное должно быть категоризовано по категории числа. Форма ед. числа используется как для обозначения одной сущности, так и при номинации класса сущностей данного вида вообще (одной чашки и чашек вообще): *Чашка, в отличие от стакана, обычно имеет ручку, К сосудам для питья относятся чашка, кружка, стакан, пиала*, поэтому не случайно форма ед. числа используется (в согласии с языковой интуицией носителя русского языка) в качестве словарной формы данного существительного. В русском языке, в соответствии с типологической универсалией, ед. число является немаркированным значением категории числа. В соответствии с теорией маркированности в случае нейтрализации оппозиции используется немаркированная форма, то есть ед. число.

Согласно такому стандартному дефолтному сценарию ведет себя подавляющее число существительных, лексикализирующих предметные счетные концепты. Однако в русском языке имеется также группа непроектируемых существительных, означающих массу, совокупность однородных сущностей. Эти существительные ведут себя особым образом по отношению к рассматриваемой грамматической категории: они, как правило, имеют дефектную числовую парадигму и образуют производные существительные с регулярным семантическим сдвигом:

ИСХОДНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ		ПРОИЗВОДНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
<i>солома</i>	?	<i>соломинка</i>	<i>соломинки</i>
<i>пух</i>	?	<i>пушинка</i>	<i>пушинки</i>
<i>горох</i>	?	<i>горошина</i>	<i>горошины</i>
<i>картофель</i>	?	<i>картофелина</i>	<i>картофелины</i>
<i>трава</i>	<i>(травы?)</i>	<i>травинка</i>	<i>травинки</i>
<i>песок</i>	<i>(пески?)</i>	<i>песчинка</i>	<i>песчинки</i>
<i>тля, сено</i>	?	?	?

¹² Данное уточнение не случайно. Вполне могут быть языки, в которых наряду с числовыми формами существуют нечисловые формы (*general number* в [Corbett 2000]). В таком языке некоторые (так называемые неисчисляемые) существительные имеют только нечисловую форму (она будет наименее маркированной), а другие – числовые формы и, как правило, нечисловую форму. Подробнее о такого рода языках см. [Corbett 2000: 9–19].

Большинство исходных существительных в нашем списке имеют только форму ед. числа и относятся к классу *singularia tantum*¹³. Производные существительные означают отдельные экземпляры совокупности и имеют полную числовую парадигму. Кажущаяся парадоксальность такой ситуации состоит в том, что множественность сущностей лексикализуется как существительное *singulare tantum*, а для обозначения собственно единичности используются специальные словообразовательные средства (деривационные суффиксы *-ин*, *-ин-к*), так называемый сингулятив.

С когнитивной точки зрения никакого парадокса нет. Наиболее естественная антропоцентрическая концептуализация объектов–совокупностей такая же, как массообразных, жидких, сыпучих, газообразных, твердых веществ (типа *грязь*, *молоко*, *мука*, *дым*, *медь*), поскольку обычно такие концепты функционально значимы для человека как целостные совокупности, а не как множества однородных сущностей. Поэтому языковое оформление этих концептов соответствует стандартному дефолтному сценарию выбора формы ед. числа, хотя в значение совокупности инкорпорирована в качестве фона идея множественности элементов¹⁴.

Однако иногда существует потребность активировать отдельный элемент совокупности, а не совокупность в целом, и тогда фон становится фигурой. Вербализовать этот концепт можно с помощью различных стратегий.

(а) Так, можно игнорировать когнитивную сопряженность совокупности и элемента, используя для элемента особую непроизводную лексему, например *полено* vs. *дрова*.

(б) Можно использовать одну и ту же форму для совокупности и элемента совокупности, ср. английское *news* 'новости'¹⁵, 'новость', русское *моль*, например: *У нас завелась моль* (совокупность) vs. *Смотри, вон моль полетела* (экземпляр совокупности).

(в) Наконец, в русском языке представлена и деривационная стратегия: маркировать единичность элемента совокупности посредством сингулятивного показателя, добавляемого к имени совокупности. В таком случае можно говорить об обратимой маркированности: если в норме единичность является немаркированной, то в данном случае она маркированная.

Получив единичную интерпретацию, производный концепт циклично включается в категорию числа и допускает как немаркированную (ед. число), так и маркированную (мн. число) форму.

Для такой деривации необходимо, чтобы исходное существительное было несчетным и обозначало совокупность однотипных сущностей¹⁶. Сингулятив означает смещение

¹³ Исключением в нашем списке являются слова, допускающие форму мн. числа – *травы* и *пески*, но форма мн. числа здесь означает нетривиальную множественность означенных совокупностей: в случае *травы* это, видимо, разновидности трав, а в случае *пески* – песок в различных местах. У прочих существительных, видимо, такой переинтерпретации нет. Аналогичные явления наблюдаются во многих языках, см. [Кибрик 1992].

¹⁴ Это не значит, что выбор формы мн. числа невозможен, ср. *хлопья*, *дрова*. В таком случае идея множественности элементов совокупности маркирована и представлена более эксплицитно. По поводу когнитивно мотивированного выбора ед./мн. числа при концептуализации таких совокупностей см. проникновенный анализ А. Вежбицкой [Wierzbicka 1988].

¹⁵ Как видно из перевода, в русском языке совокупность элементов может иногда выражаться формой мн. числа: форма *новости* имеет значение как множественности новостей, так и целостной совокупности новостей.

¹⁶ Вместе с тем в русском языке имеется, по крайней мере, еще один источник использования сингулятива: счетные существительные *pluralia tantum*, например, *бусы* (> *бусин(к)а*), *штаны* (> *штанина*), имеющие как единичную, так и множественную интерпретацию. Однако опять же не всякое слово *plurale tantum* допускает сингулятив, ср., например, *колготки*, *сани*, *ножницы*, *очки*.

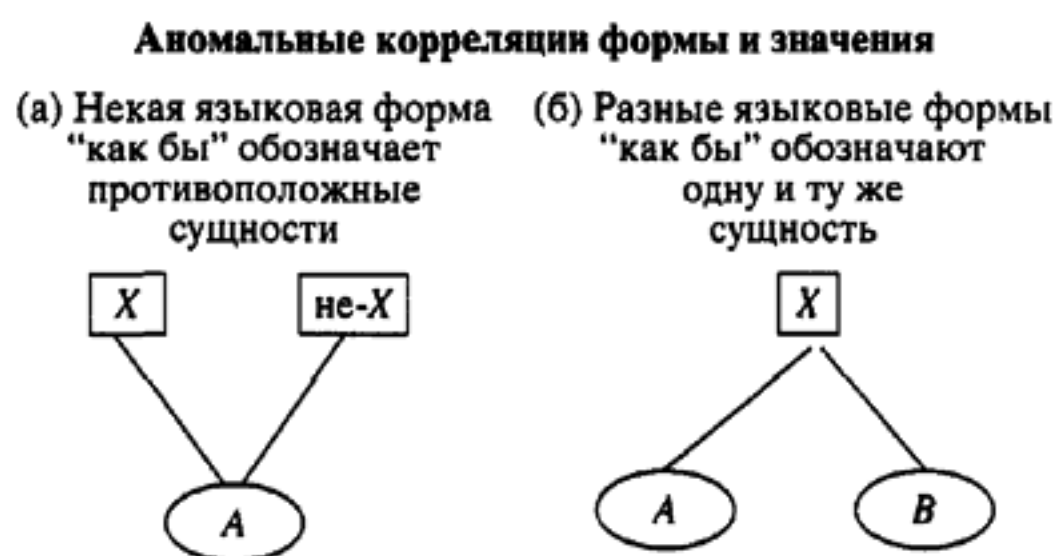
фокуса внимания с совокупности на составляющие ее элементы¹⁷. Неудивительно при этом, что значения форм *горох* и *горошины* не идентичны.

Русский сингулятив является специфическим языковым явлением. Такая деривация отсутствует во многих языках, хотя явление это не уникальное. В совершенно другом морфологическом обличье оно присутствует, например, в языке фула, западноатлантическая семья (Африка), см. [Коваль 1979: 76–77], в котором такая деривация оформляется сменой именного класса исходного существительного. Примечательна и близость круга концептов, гармонирующих с данной деривацией.

2.3. «Аномальная» языковая форма в свете обратимой маркированности

В различных языках и различных фрагментах грамматики встречаются явления, кажущиеся, с позиций обычной грамматической логики, загадочными и необъяснимыми. Их объединяет «аномальность» языковой формы, не поддающаяся традиционной логической интерпретации, см. схему 5.

Схема 5

Случай (б) давно известен как синонимия языковой формы. Этот случай в своей абсолютной формулировке аномален функциональной избыточностью. Если иметь в виду синонимию в строгом смысле, то она означает полную вариативность формы (абсолютную взаимозаменяемость синонимичных форм в любом высказывании). Однако полная вариативность, при ближайшем рассмотрении, никогда не подтверждается. Всегда обнаруживаются контексты, когда смысл *X* выразить при помощи формы *A* можно, а при помощи *B* нельзя.

Особенно парадоксален случай (а), так как противоположные (антонимичные) значения некоторого параметра *X* и *не-X* выражаются одной формой *A*: что же на самом деле означает *A*?

Рассмотрим несколько примеров таких «аномалий» из различных языков.

2.3.1. Редупликация в цахурском языке

В цахурском языке (нахско-дагестанская семья) для выражения видового противопоставления совершенного и несовершенного вида используется непродуктивный способ редупликации корня (табл. 1), см. подробнее в [Кибрик (ред.) 1999: 74–75]. Например:

¹⁷ Примечательно, что не от всякого собирательного существительного образуется производный сингулятив. Таким в нашем примере является слово *тля*, хотя необходимые условия для образования сингулятива соблюдены. Отсутствие сингулятива от данного слова, видимо, связано с недостаточной когнитивной релевантностью концепта единичного насекомого данного вида. Вместе с тем отсутствие данного лексикализованного концепта является лгвоспецифическим свойством русского языка.

Редулицированные формы глагола в цахурском языке

СОВЕРШЕННЫЙ ВИД		VS.	НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД
(11) <i>ux-u</i>	‘родил’	<i>ux-ox-a</i>	‘рожает’
<i>ikk-i</i>	‘унес’	<i>ikk-eek-a</i>	‘уносит’
(12) <i>ikk-iik-in</i>	‘захотел’	<i>ikk-an</i>	‘хочет’
<i>ik'-iik'-ir</i>	‘заболел (живот)’	<i>ik'-ar</i>	‘болит (живот)’

В примерах (11–12) видовое противопоставление выражено дважды: продуктивными вокалическими суффиксами (-*u/-i* в совершенном виде и -*a* в несовершенном виде) и непродуктивным показателем редуликации корня (с морфонологическими чередованиями), непосредственно следующим за корнем. Аномальным является то, что при одних глаголах (‘рожать’, ‘уносить’) редуликация находится в форме несовершенного вида, а при других (‘хотеть’, ‘болеть’) – в форме совершенного вида. Какое же значение кодирует показатель редуликации? Для чего он нужен, если видовое значение однозначно выражено?

Когнитивный принцип обратимой маркированности объясняет его функцию, см. табл. 2. Обратим внимание на то, что глаголы из примера (11) обозначают предельные процессы, а глаголы из примера (12) – состояния. Для предельных процессов когнитивной нормой является достижение предела (сов. вид), а отклонением от нормы – длящийся процесс (несов. вид), а для состояний, наоборот, когнитивной нормой является сохранение состояния (несов. вид), а отклонением от нее – вхождение в состояние (сов. вид). Итак, редуликация означает не вид глагола, а обратимую маркированность вида относительно акциональной семантики глагола: для предельных процессов маркированным является несов. вид, а для состояний – сов. вид.

Таблица 2

Обратимая маркированность вида в цахурском языке

АКЦИОНАЛЬНЫЙ КЛАСС ГЛАГОЛА	Вид глагола	
	Сов. вид	Несов. вид
ПРЕДЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	НОРМАЛЬНО	+редуликация
СОСТОЯНИЕ	+редуликация	НОРМАЛЬНО

Такая редуликация зафиксирована у небольшого количества глаголов, но от этого она не является менее значимой. Наоборот, нерегулярные кодирующие средства, сохраняющие, вопреки ожиданиям, живучесть в языке, свидетельствуют о их существенности для языковой структуры и того когнитивного механизма, который за ними стоит.

2.3.2. Топонимы в дагестанских языках

Дагестанские языки отличаются обилием падежей, в частности системой пространственных форм. Исходной, наименее маркированной формой имени является номинатив, совпадающий с чистой основой. Прочие (маркированные) падежи обычно образуются от косвенной основы, содержащей специальный суффикс, или от чистой основы, совпадающей с формой номинатива. К косвенной основе добавляются собственно падежные показатели.

В качестве примера рассмотрим данные багвалинского языка:

ПАДЕЖ	ФОРМА	ПЕРЕВОД
номинатив	<i>misa</i>	‘дом’
генитив	<i>mis-u-ł</i>	‘дома’
ад-эссив	<i>mis-u-χ</i>	‘у дома’
интер-эссив	<i>mis-u-łi</i>	‘в доме’
конт-эссив	<i>mis-u-č</i>	‘в контакте с домом’

На этом фоне, как правило, совершенно иначе устроены исконные имена населенных пунктов (селений и хуторов). Для них словарной формой является пространственная форма, в которой присутствует один из типичных для данного языка пространственных показателей:

ТОПОНИМ	РУССКИЙ ПЕРЕВОД
<i>boha-χ</i>	Ботлих
<i>hiha-łi</i>	Гигатли
<i>hindu-č</i>	Тлондода

В подавляющем большинстве контекстов топонимы встречаются в локативной позиции дополнения места. Если же возникает необходимость поместить их в позицию номинатива, используется та же пространственная форма или словосочетание с вершинным родовым именем, например [Даниэль 2001: 150]:

- (13) *di-č* *k'o an-ł* *han* *raq'o a-łi* *ek'o a.*
я.OBL-CONTESS Кванада-GEN селение.NOM сердце-INTERESS есть
Я помню Кванаду [букв. ‘У меня Кванады селение на сердце есть’].

Когнитивное объяснение этой морфологической аномалии такое. Для существительных нормой является форма номинатива, а отклонением от нормы – формы косвенных падежей. Для топонимов, наоборот, нормой является пространственная форма, а отклонением от нормы – употребление топонима не в местном значении. В этом случае использование чистой основы топонима (без показателя пространственного значения) заблокировано, поскольку эта форма закреплена для немаркированных ситуаций. Поэтому предпочтительным является выбор описательной номинации или использование той же исходной пространственной формы.

2.3.3. Субъект и объект в бенгальском языке

В ряде индийских языков, например, в бенгальском, см. [Onishi 2001: 114–116]¹⁸, для выражения значений субъекта и объекта при переходном глаголе могут использоваться три падежные формы: н о м и н а т и в, о б ъ е к т и в и л о к а т и в. Например (для ясности приводятся только схемы конструкций и репрезентативные русские предложения):

- (14) Мальчик (S) бросил палку (O). S_{NOM} + O_{NOM}
(15) Отец (S) побил сына (O). S_{NOM} + O_{OBJ}
(16) Машина (S) раздавила палку (O). S_{LOC} + O_{NOM}
(17) Машина (S) задавила мальчика (O). S_{LOC} + O_{OBJ}

¹⁸ Интерпретация данных моя. Применительно к бенгальскому, как и к русскому, языку в данном случае можно использовать синтаксические термины «субъект» и «объект», хотя в общем случае это неправомерно. За синтаксическими понятиями «субъект» и «объект» стоят более универсальные ролевые характеристики актантов – агентивный и пациентивный участник соответственно, см. [Кибрик 2003: 109 и сл.].

В (14) номинатив характеризует как субъект, так и объект, в (15) – только субъект, а в (16) – только объект. В то же время в (16–17) для обозначения субъекта используется локатив, а в (15, 17) для обозначения объекта – объектив. В такой кодировке присутствуют обе семиотические «аномалии»:

- (а) использование номинатива для кодирования как S, так и O,
- (б) кодирование S то номинативом, то локативом,
кодирование O то номинативом, то объективом.

Какие принципы лежат в основе этой аномальной кодировки?

Естественно предположить, что гипотеза о непосредственной кодировке субъекта и объекта падежами неверна, хотя такая кодировка некоторым образом связана с этими значениями.

В действительности выбором падежного значения управляет уже известный нам принцип обратимой маркированности. Этот принцип противопоставляет немаркированное и маркированное кодирование.

А. ДЕФОЛТНОЕ (НЕМАРКИРОВАННОЕ) КОДИРОВАНИЕ:

Номинатив обозначает не тип синтаксического отношения, а когнитивно немаркированное сочетание типа синтаксического отношения с онтологическими и референциальными свойствами участника. Это сочетание является обратимым:

- для **субъекта** это определенный личный (человек) или определенный одушевленный (животное) участник, а
- для **объекта** – неодушевленный или неопределенный одушевленный участник.

Б. СПЕЦИАЛЬНОЕ (МАРКИРОВАННОЕ) КОДИРОВАНИЕ:

- **локатив** кодирует маркированный (неодушевленный) субъект,
- **объектив** кодирует маркированный (личный определенный) объект.

Принцип обратимого маркирования проиллюстрирован на минимальном числе простейших примеров (14–17). Языковая реальность несколько богаче и интереснее. Как видно из формулировок, выбор падежа контролируется не только онтологическими свойствами участников – лицо (человек)/одушевленный (животное)/неодушевленный, но и референциальными характеристиками – определенный/неопределенный¹⁹. Комбинации онтологических и референциальных характеристик образуют упорядоченную цепочку, называемую ниже референциальной иерархией:

Опр., лицо | Опр., одуш. | Неопр., лицо | Неопр., одуш. | Неодуш.

Эта иерархия по-разному ориентирована с точки зрения маркированности по отношению к субъекту и объекту.

Референциальная иерархия для субъекта

Опр., лицо < Опр., одуш. < Неопр., лицо < Неопр., одуш. < Неодуш.

Наименее маркирован первый член иерархии, наиболее маркирован последний (направление маркированности: <).

По отношению к объекту иерархия является обратимой:

¹⁹ То есть известный или неизвестный участникам речевого акта.

Референциальная иерархия для объекта

Опр., лицо > Опр., одуш. > Неопр., лицо > Неопр., одуш. > Неодуш.

В этом случае наименее маркирован последний член иерархии, наиболее маркирован первый (направление маркированности: >).

В целом полный набор возможностей выбора падежных форм именных актантов представлен на схеме 6:

Схема 6

Зависимость падежных форм субъекта и объекта от референциальной иерархии в бенгальском языке

Иерархия	опр., лицо	опр., одуш	неопр., лицо	неопр., одуш.	неодуш.
Падеж S	NOM	<	NOM/LOC	<	LOC
Падеж O	OBJ	>	NOM/OBJ	>	NOM

Как видно из схемы 6, наиболее/наименее маркированы крайние позиции иерархии. В этих позициях выбор падежа для субъекта и объекта однозначен. В средних позициях наблюдается варьирование форм. Выбор падежа в этих случаях зависит от прагматических (в том числе коммуникативных) факторов, которые недостаточно изучены. Важно, что при немаркированных значениях прагматических факторов выбирается форма номинатива, в противном случае – объектива (если это объект) или локатива (если это субъект).

Из этой схемы также видно, почему референциальная иерархия имсет тот вид, который был ранее декларирован. Количество членов иерархии и их порядок вытекают из языковых данных, представленных на схеме: членение иерархии подтверждается наличием тех границ, которые задаются правилами выбора падежа субъекта и объекта. Так, наличие границы между первым и вторым, а также между третьим и четвертым членами иерархии подтверждается правилами кодирования объекта: первый член предписывает однозначный выбор падежа (OBJ) в отличие от второго и третьего членов, допускающих варьирование падежной формы (NOM/OBJ), которым противопоставлена четвертая (и пятая) позиция, однозначно связанная с номинативным кодированием объекта (NOM). Граница между вторым и третьим членами, а также между четвертым и пятым членами диктуется альтернативным (NOM/LOC) и однозначным (NOM) или (LOC) выбором формы субъекта.

Может показаться, что предложенное мной объяснение надуманное, а проверить его, не обладая знанием бенгальского языка, невозможно. Однако аналогичная когнитивная схема реализуется во всевозможных вариациях в большом числе языков, и каждая из вариаций в отдельности может казаться случайной. Но в совокупности все эти вариации, добавляя некоторые нетривиальные подробности, сходятся в одну и ту же схему.

В качестве иллюстрации можно указать на широкое распространение такой схемы в уральских и тюркских языках. В них зачастую форма объекта варьирует между немаркированной формой номинатива и маркированной формой – аналогом аккузатива. Контролируют выбор обычно референциальная иерархия и прагматические факторы²⁰.

²⁰ Можно в этой связи вспомнить некоторые факты и из русского языка, а именно явление неразличения формы именительного и винительного падежа существительных мужского рода во 2-м склонении (*вижу студента* vs. *вижу дом*), зависящего от грамматической (не)одушевленности. Этот факт затемняется тем обстоятельством, что неразличение именительного – винительного падежа может быть связано также с формальными факторами (средний род существительного, тип склонения).

Более того, в тюркских языках аналогичные факторы контролируют способ оформления посессивной конструкции, состоящей из вершинного и зависимого имени (типа *книга мальчика, крыша дома, племянник кузнеца*). Так, согласно [Гращенков 2007], в мишарском диалекте татарского языка реализуется несколько схем оформления такой конструкции, различающихся наличием/отсутствием показателя посессивной связи на вершинном имени (так называемый изафет) и падежной формой зависимого имени (генитив/номинатив). Выбор падежа является многофакторным, как в бенгальском языке, и зависит от иерархии одушевленности, референциальной иерархии и прагматических и дискурсивных факторов. Примечательно, что номинативное оформление предпочтительно для нереферентных неодушевленных зависимых имен, а генитивное – для определенных имен, означающих человека, особенно для локуторов.

В редуцированном виде та же стратегия реализуется в испанском языке в отношении маркирования объекта, см. [Givón 1984: 372]:

(18a)	<i>ví</i>	<i>el</i>	<i>árbol</i>	<i>en</i>	<i>la</i>	<i>calle.</i>
	видел.я	арт	дерево	на	арт	улица
	Я видел дерево на улице.					
(18б)	<i>le ví</i>	<i>a</i>	<i>Juán</i>	<i>en</i>	<i>la</i>	<i>calle.</i>
	ему-видел.я	дат	Хуан	на	арт	улица
	Я видел Хуана на улице.					

Глагол имеет форму 1-го лица субъекта в обоих предложениях (*ví*), при этом, в отличие от русского языка, субъектная именная группа, заполненная свободным локуторным местоимением, в норме отсутствует. Что касается объекта, то его оформление зависит от свойств имени. Имя, обозначающее неодушевленный предмет (дерево), см. (18a), имеет минимально маркированное оформление, а имя, обозначающее человека (Хуан) в (18б), имеет при себе предлог *a* с дативным значением. Кроме того, к глаголу присоединяется местоименная проклитика *le*-‘ему’, кореферентная объекту. Такая кодировка вполне согласуется с референциальной иерархией и принципом обратимой маркированности. Субъект, соответствующий высшему рангу иерархии, и объект, имеющий низший ранг иерархии, имеют наименее маркированное кодирование, а объект, соответствующий высшему рангу иерархии, является наиболее маркированным.

Следует отметить, что все приведенные примеры, как и следующий ниже пример из даргинского языка, не связаны с наследованием более древних языковых состояний, что видно при сравнении с другими родственными языками. Это значит, что появление таких техник в языке мотивировано живыми когнитивными схемами, которые могут быть скрытыми или, при благоприятных условиях, получать явную языковую реализацию.

Посмотрим на пару других примеров действия принципа обратимой маркированности, связанных с моно- и полиперсонным глагольным согласованием.

2.3.4. Даргинский язык

В чирагском диалекте даргинского языка (нахско-дагестанская семья), в отличие от большинства родственных языков, глагол согласуется по лицу с одним из ядерных актантов глагола, а именно:

- 1 лицо *-da*
- 2 лицо *-de*
- 3 лицо нет согласования

Контролировать согласование может **а г е н т и в н ы й** или **п а ц и е н т и в н ы й** актант (актант, имеющий агенсоподобную или пациенсоподобную роль²¹), сокращенно агентив и пациентив, обозначающий участника речевого акта. Будем называть участни-

²¹ Здесь не используются термины субъект и объект, так как существование таких сущностей в даргинском языке проблематично, см. [Кибрик 2003: 137–138, 156–157].

ков речевого акта л о к у т о р а м и, а прочих – н е л о к у т о р а м и. Нас будет интересовать согласование в переходном глаголе, имеющем актанты с обеими ролями²², см. табл. 3.

Таблица 3

Согласование даргинского переходного глагола по лицу

<i>ДЕЙКТИЧЕСКИЙ ТИП АКТАНТА (локутор нелокутор)</i>	<i>АГЕНТИВ</i>	<i>ПАЦИЕНТИВ</i>	<i>КОНТРОЛЕР СОГЛАСОВАНИЯ</i>
	локутор	нелокутор	агентив (-da/de)
	нелокутор	локутор	пациентив (-da/de)
	нелокутор	нелокутор	–
	локутор	локутор	агентив (-da/de)

Выбор контролера согласования зависит от роли актанта и его дейктического статуса. В табл. 3 в схематической форме сформулированы согласовательные правила. Если локутором является агентив (напр. *я – его*²³), глагол согласуется с ним по лицу, если локутором является пациентив (напр. *он – меня*), тогда он контролирует личное согласование глагола. Если ни агентив, ни пациентив не являются локуторами (напр. *он – его*), глагол не имеет личного согласования. Если же оба актанта являются локуторами (напр. *я/ты – тебя/меня*), глагол согласуется с агентивом.

Эти правила являются лингвоспецифичными, они характеризуют даргинский язык и только его. Ничего подобного в русском или латинском языке, в которых глагол также имеет личное согласование, нет²⁴. Однако имеются ли какие-то общие принципы, стоящие за этими правилами?

Я полагаю, что такие принципы есть, и они находятся в когнитивной сфере. Когнитивное объяснение следующее. В даргинском языке грамматикализованы две связанные иерархии.

Дейктическая иерархия

Ролевая иерархия

ЛОКУТОРЫ > НЕЛОКУТОРЫ

АГЕНТИВ > ПАЦИЕНТИВ

Согласование глагола определяется в терминах маркированных членов этих иерархий, которые также упорядочены иерархически:

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ > РОЛЕВАЯ ИЕРАРХИЯ

Приоритетом при согласовании в глаголе пользуется маркированный член:

- кодируется лицо маркированного члена дейктической иерархии;
- если дейктическая иерархия создает конфликт, кодируется лицо маркированного члена ролевой иерархии.

2.3.5. *Обобщение согласования в бенгальском и даргинском языках*

Встает естественный вопрос: могут ли быть обобщены данные даргинского и бенгальского языков? На первый взгляд, налицо одни различия.

- В бенгальском языке участвуют синтаксические отношения и референциальные характеристики именных групп, а в даргинском – дейктическая и ролевая иерархии,
- в бенгальском языке глагол согласуется одновременно с обоими ядерными актантами, а в даргинском – только с одним.

²² При непереходном глаголе согласование по лицу контролируется единственным ядерным актантом.

²³ Здесь и ниже тире заменяет произвольный переходный глагол.

²⁴ В русском и латинском языке личное глагольное согласование всегда контролирует субъект.

Однако рассмотрим дейктическую и референциальную иерархию несколько внимательнее. Референциальная иерархия совмещает две частные иерархии: иерархию определенности и онтологическую иерархию.

Онтологическая иерархия

Иерархия определенности

ЧЕЛОВЕК (=ЛИЦО) > ОДУШ. > НЕОДУШ. ОПРЕДЕЛЕННЫЙ > НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ

Легко видеть, что в онтологической иерархии локуторы составляют подмножество класса ЧЕЛОВЕК (= ЛИЦО). Иными словами, в даргинском языке представлена в крайне редуцированном виде так называемая иерархия одушевленности²⁵, частью которой является также онтологическая иерархия:

Иерархия одушевленности

1 ЛИЦО > 2 ЛИЦО > ЧЕЛОВЕК > ОДУШ. > НЕОДУШ.

Чему соответствует ролевая иерархия даргинского языка в бенгальском языке? Бенгальский язык использует признаки синтаксических отношений, которые в языках мира входят в реляционную иерархию.

Реляционная иерархия

СУБЪЕКТ > ОБЪЕКТ > КОСВЕННЫЙ ОБЪЕКТ > ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

В бенгальском языке первые два члена иерархии (субъект и объект) противопоставлены как ядерные актанты всем остальным. При этом надо иметь в виду, что между субъектом и объектом переходного глагола имеется устойчивое соответствие с ролями агентива и пациентива, которые являются более универсальными сущностями.

Таким образом, при всем своеобразии согласования в бенгальском и даргинском языках, они по существу являются различными вариантами одних и тех же принципов и, более того, когнитивных концептов. Существенно, что хотя состав членов иерархий в различных языках может быть различным, они упорядочиваются в иерархии не произвольно, а одним и тем же образом.

2.3.6. Алюторский язык

Дейктическая иерархия обнаруживается во многих языках самых различных ареалов, что исключает возможность ее единого происхождения. Эта иерархия, также как и рассмотренные выше, может иметь в различных языках разное число членов.

Варианты дейктической иерархии

1/2 > 3	сванский, картвельская семья
1 > 2 > 3	даргинский, дагестанская семья
2 > 1 > 3	йимас, Папуа Новая Гвинея
1/2 > 3 ²⁶ > не-местоимение	кри, алгонкинская семья
1 > 2 > 3ед > 3неед	юкагирский язык, изолят, Сибирь
1ед > 1неед > 2ед > 2неед > 3ед > 3неед	чамлинг, синотибетская семья
	алюторский, чукотско-камчатская семья

Даргинский и сванский языки противопоставляют 1–2 лицо всем прочим актантам. При этом, если даргинский язык является монопersonным, то сванский имеет полиперсонное согласование²⁷. В языке йимас противопоставлены 1-е и 2-е лицо, причем 1-е лицо выше по рангу, чем 2-е, как в стандартной иерархии одушевленности.

²⁵ Она была впервые обнаружена в [Silverstein 1976].

²⁶ Эта позиция в юкагирском соответствует личному местоимению 3-го лица.

²⁷ Описание сванского согласования см. в [Кибрик А.А. 1996, Кибрик 2003: 276–279].

Напротив, язык кри реализует очень редкий вариант дейктической иерархии: 2-е лицо в ней занимает высший ранг. Тем не менее такой язык также не одинок. Он засвидетельствован примерно в паре дюжин языков, в основном в Южной и Северной Америке, см. [Филимонова 1997; 1999]. Очевидно, что когнитивной нормой для антропоцентрической концептуализации является эгоцентричность с наибольшей выделенностью говорящего субъекта, а выдвижение на такую позицию адресата, скорее всего, связано с влиянием этнокультурных особенностей мирозерцания.

В юкагирском языке 1-е и 2-е лицо не противопоставлены, но особую позицию занимает местоименная (анафорическая) номинация. Ее сближает с локуторами шифтерный, по терминологии Р. Якобсона, характер номинации: все местоимения не имеют постоянного денотативного содержания и приобретают его в речевом акте, в отличие от прочих имен.

В языке чамлинг в иерархии четыре члена, из которых первые два нам уже знакомы по языку йимас, а нелокуторы, в отличие от локуторов, различают число, причем единственное число предшествует множественному.

Алюторский язык является примером с максимальным числом членов в иерархии²⁸. Поэтому рассмотрим его немного более подробно.

Интересно, что в алюторском языке оппозиция локуторов и нелокуторов проходит между единственным и неединственным²⁹ числом 2-го лица:

Дейктическая иерархия в алюторском языке

Локуторы / Нелокуторы

1ЕД > 1НЕЕД > 2ЕД > 2НЕЕД > 3ЕД > 3НЕЕД

Это имеет семантическую мотивацию: 2ед означает локутора ('ты'), а 2неед – локутора и нелокуторов (*turi* 'ты + он' или *turi* 'ты + они'), что ослабляет, в перспективе алюторского языка, локуторный статус 2неед. Что касается 1неед, оно допускает инклюзивную (*miri* 'я + ты' или *miri* 'я + ты + они') и эксклюзивную (*miri* 'я + он' или *miri* 'я + они') интерпретацию. При инклюзивном значении в ситуации задействованы говорящий и адресат, при эксклюзивной – говорящий и нелокутор(ы). В обоих случаях исключение говорящего из локуторов когнитивно более неприемлемо, так как говорящий является прототипическим локутором.

В алюторском языке имеется полиперсонное согласование по лицу: при переходном глаголе согласование контролируют Агентив и Пациентив.

- **Принцип СИЛЬНОЙ НОРМЫ:** Нормально, если агентив – локутор, а пациентив – нелокутор.
- **Принцип СЛАБОЙ НОРМЫ:** Нормально, если дейктическое значение агентива выше дейктического значения пациентива.

Принцип сильной нормы соответствует, за вычетом очевидных различий, принципу, известному нам для бенгальского языка: для агентива нормально сочетаться с верхними значениями сопряженной иерархии (дейктической или референциальной), а для пациентива – с нижними. В соответствии с этим принципом нормальны такие сочетания дейктических характеристик агентива и пациентива:

'я/мы – вас/его/их', 'ты – его/их'.

²⁸ Напомню, что процедура выделения членов иерархии является строго формальной. Она опирается на наличие/отсутствие правил, чувствительных к соответствующим членам иерархии.

²⁹ В алюторском языке различается единственное, двойственное и множественное число, но в дейктической иерархии релевантно различие только между ед. и неед. числом.

Принцип слабой нормы включает все случаи сильной нормы как частные случаи, а также такие:

‘я – тебя’, ‘вы – его/их’, ‘он – их’.

Все эти примеры объединяет то свойство, что на дейктической иерархии агентив всегда выше пациентива. Иными словами, сильная и слабая норма означают немаркированную ситуацию, при которой более маркированный член ролевой иерархии (агентив) сочетается с более маркированными членами дейктической иерархии, и наоборот, менее маркированный член ролевой иерархии (пациентив) сочетается с менее маркированными членами дейктической иерархии.

В алуторском языке лично-числовая парадигма имеет 63 формы, из которых только 21 форма оформляется немаркированно³⁰. За пределами указанных принципов остаются 42 маркированные формы. Поскольку дейктическая иерархия многочисленна, в ней специально выделяются особыми показателями такие случаи.

- Один из крайних членов дейктической иерархии имеет маркированное ролевое значение. Это ‘1ед + пациентив’ (‘он/вы/ты – меня’³¹) и ‘Знеед + агентив’ (‘они – меня/нас/тебя/вас/его/их’). В первом случае используется особый показатель *ina-* в специальной префиксальной позиции³². Во втором случае все комбинации значений кодируются единым префиксальным показателем *na-*.
- Некрайний дейктический ранг агентива ниже некрайнего дейктического ранга пациентива³³ (‘ты/вы – нас’, ‘он – нас/тебя/вас’) также оформляется показателем *na-*.
- Оба актанта являются нелокуторами и агенс дейктически выше пациенса (то есть ‘вы – его/их’ ‘он – их’). В этих двух ситуациях используются связанные (неразложимые) суффиксальные показатели.

На наблюдаемом уровне парадигма переходного алуторского глагола выглядит фантастически непредсказуемой³⁴, если не различать регулярные немаркированные и нерегулярные маркированные показатели. Понять ее истинное устройство можно лишь обратившись к мотивирующим ее принципам, и тогда парадигма не только принимает стройный и закономерный вид, но и обнаруживает когнитивное родство с парадигмами в других генетически и ареально не связанных языках³⁵.

Сферой действия дейктической иерархии могут быть и более специфические языковые контексты. Например, в языке навахо, атабаскская семья (см. [Kibrik A. forthcoming]), характеризующемся полисинтетизмом, в глаголе имеются фиксированные префиксальные позиции для кодирования ролевых (падежных) свойств актантов. При этом показатель агентива–локутора занимает 2-ю позицию, а агентива–нелокутора – 5-ю позицию (они нумеруются влево от корня). Кроме того, в отличие от локуторов, нелокуторный актант обычно кодируется нулевым показателем, как в агентивной, так и в пациентивной позиции. Исключение составляет ситуация, когда оба ядерных актанта являются нелокуторами. В этом случае один из актантов имеет ненулевое кодирование (обычно в 6-й позиции пациентива, хотя имеются и особо маркированные ситуации, свя-

³⁰ В этом случае стандартный показатель дейктического значения агентива занимает фиксированную префиксальную позицию, а пациентива – суффиксальную согласно схеме: А-корень-Р (прочие префиксальные и суффиксальные позиции для простоты опущены).

³¹ В конфликтной ситуации, когда оба актанта занимают крайние маркированные позиции в дейктической иерархии (‘они – меня’), приоритет имеет агентив ‘они’, а не пациентив ‘меня’, вспомним аналогичную конфликтную ситуацию в даргинском языке.

³² Вспомним, что немаркированная позиция для показателя пациентива суффиксальная.

³³ То есть агентив ‘они’ и пациентив ‘меня’ не входят в этот случай.

³⁴ Она здесь не приводится для простоты восприятия. См. [Кибрик 2003: 292] и более подробно в [Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000].

³⁵ См. сравнительный анализ языков, реализующих в языковой структуре дейктическую иерархию, в [Кибрик 2003: 270–304].

занные с нелокуторным агентивом, в этом случае эксплицитный показатель находится в 5-й позиции).

В нахско-дагестанских языках, реализующих эргативную конструкцию, агентив кодируется эргативом, а пациентив – номинативом (как и единственный ядерный актант непереходного глагола). Однако локуторные местоимения имеют тенденцию оформлять агентив формой, совпадающей с номинативной формой пациентива. Такой синкретизм ролей сохраняет, по-видимому, древнее праязыковое состояние, см. [Кибрик 2003: 211–213, 260–261].

Большой типологический материал по языковому разнообразию местоименных систем и дейктических иерархий, а также по их взаимодействию с другими языковыми параметрами содержится в энциклопедической монографии [Siewerska 2004], обобщающей данные семисот языков, из которых 400 образуют репрезентативную выборку.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данной статьи было сформулировать презумпции когнитивно-ориентированной лингвистики и продемонстрировать объяснительную силу такого подхода.

Когнитивно-ориентированная лингвистика исходит из презумпции, что языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая, так сказать, «отражается» в зеркале естественных языков. В принципе, когнитивно-ориентированная лингвистика продолжает традиции функциональной и, шире, семантически ориентированной лингвистической теории. Ее эмпирический метод – последовательно следовать за всеми нюансами языковой формы и искать их конечное объяснение не столько в классификационных дистрибутивных ограничениях, сколько в устройстве когнитивной структуры. При такой постановке вопроса сохраняется весь пафос семантически ориентированной лингвистики, но смещается фокус интересов и глубина поиска. И тогда многое, что на семантическом уровне кажется в языковой форме случайным и произвольным, становится мотивированным и имеющим глубокий смысл.

С целью большей наглядности и обозримости были рассмотрены только два когнитивных механизма – когнитивная сопряженность и оператор нормы. Действие этих механизмов проявляется на всех уровнях языковой структуры, регулируя стратегии концептуализации и языкового кодирования элементов когнитивной структуры. Наличие такой связи между когнитивными и языковыми механизмами доказывается многократными однотипными ее проявлениями в языках разной генетической и ареальной принадлежности.

На когнитивном уровне сопряженность элементов когнитивной структуры и нормальное, естественное, ожидаемое положение вещей входят в когнитивный гештальт человеческого опыта и концептуализируются с минимальной затратой ментальных вычислительных усилий (активируются по умолчанию), а отклонения от гештальта для их активации требуют дополнительных вычислительных ресурсов.

Если признать существование данной когнитивно-языковой корреляции, то это позволяет снять многие внутренние антиномии, возникающие в традиционном семантическом анализе. Семантический анализ, стремящийся описывать языковые выражения исключительно внутриязыковыми средствами, оказывается несоразмерно богатым и бесконечно самоусложняющимся, приписывая языковым выражениям то, чего в них в действительности нет. Наоборот, когнитивная сопряженность сущностей и оператор нормы создают языковые структуры чрезвычайно экономным и удобным для когнитивной обработки образом, перенося основное бремя интерпретации на уровень надъязыковой когнитивной структуры.

Подводя итог сказанному, можно надеяться, что когнитивно-ориентированный подход к языку ценен по крайней мере в двух аспектах:

- с одной стороны, реконструируется некоторый фрагмент надъязыковой когнитивной структуры по конфигурации языковых способов ее кодирования, альтернативность которых в значительной степени предопределена этой когнитивной структурой,

- с другой стороны, достигается цель объяснительной лингвистической теории, поднимающейся с уровня регистрации фактов на уровень предсказания фактов.

Завершая статью, хочу вернуться к вопросу о неготовности многих лингвистов-теоретиков к восприятию изложенной парадигмы. На самом деле почти все, что делали и делают уважаемые мной коллеги, не приемлющие термина «когнитивная лингвистика», не так далеко от целей будущей когнитивной лингвистики³⁶, которая их отпугивает. Как и они, когнитивная лингвистика стремится познать, почему язык таков, каков он есть. Я вообще полагаю, что всякая хорошая лингвистика по имплицитным целям является когнитивной. Правда, разница между эксплицитными и имплицитными целями существует: вероятность найти то, что специально ищешь, значительно выше. Тогда вооружаешься специальными средствами. Одним из наиболее важных средств является повышенное внимание к внешним характеристикам языковой формы и постоянное отслеживание кажущихся «случайностей» языковой формы. За ними может стоять нечто важное, имеющее весьма серьезные последствия.

Итак, несколько упрощая суть дела, когнитивный подход к языку – это объяснительная теория, опирающаяся на гипотезу о глубинной связи языка и мышления и реконструирующая когнитивную структуру по данным естественного языка.

Мне кажется, что отрицать такого рода связь между языком и когнитивной структурой так же бесперспективно, как и отрицать представление, что Земля вращается вокруг Солнца, настаивая на том, что Солнце вращается вокруг Земли. Можно, конечно, считать эту истину вообще не имеющей к нам отношения, но только до тех пор, пока нас не затрагивают все следствия, вытекающие из нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1976 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1976.
- Гращенков 2007 – П.В. *Гращенков*. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Е.А. Лютикова, К.И. Казенин, В.Д. Соловьев, С.Г. Татевосов (ред.). *Мишарский диалект татарского языка*. Казань, 2007.
- Даниэль 2001 – М.А. *Даниэль*. Имя существительное // А.Е. Кибрик (ред.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М., 2001.
- Кибрик А.А. 1996 – А.А. *Кибрик*. Язык не так нелеп, как кажется (лично-числовое глагольное согласование в сванском языке) // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка*. М., 1996.
- Кибрик, Кобозева, Секерина 1997 – А.А. *Кибрик*, И.М. *Кобозева*, И.А. *Секерина* (ред.). *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. М., 1997.
- Кибрик 1992 – А.Е. *Кибрик*. Числовые формы несчетных существительных в дагестанских языках // А.Е. *Кибрик*. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М., 1992.
- Кибрик 1999 – А.Е. *Кибрик* (ред.) *Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении*. М., 1999.
- Кибрик 2000 – А.Е. *Кибрик*. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // *Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю.Д. Апресяна*. М., 2000.
- Кибрик 2003 – А.Е. *Кибрик*. *Константы и переменные языка*. СПб., 2003.
- Кибрик и др. 2006 – А.Е. *Кибрик*, М.М. *Брыкина*, А.П. *Леонтьев*, А.Н. *Хитров*. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // *ВЯ*. 2006. № 1.
- Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000 – А.Е. *Кибрик*, С.В. *Кодзасов*, И.А. *Муравьева*. *Язык и фольклор алюторцев*. М., 2000.
- Коваль 1979 – А.И. *Коваль*. О значении морфологического показателя класса в фула // Н.В. Охотина (ред.). *Морфонология и морфология классов слов в языках Африки. Имя. Местоимение*. М., 1979.

³⁶ Я надеюсь, что наступит время, когда у лингвистов сформируется консенсус в отношении такой науки.

- Коваль, Нялибули 1997 – А.И. Коваль, Б.А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Сепир 1921/1993 – Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1921/1993.
- Трубецкой 1939/1960 – Н. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1939/1960.
- Филимонова 1997 – Е.Ю. Филимонова. К вопросу об иерархической упорядоченности лиц. Выделенность второго лица // ВЯ. 1997. № 4.
- Филимонова 1999 – Е.Ю. Филимонова. Универсальные аномалии личных местоимений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Хомский 1972 – Н. Хомский. Язык и мышление. М., 1972.
- Хомский 2005 – Н. Хомский. О природе и языке. М., 2005.
- Ченки 1997 – А. Ченки. Семантика в когнитивной лингвистике // А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect. London, 1976.
- Corbett 2000 – G. Corbett. Number. Cambridge, 2000.
- Croft 2001 – W. Croft. Radical construction grammar. Oxford, 2001.
- Croft 2003 – W. Croft. Typology and universals. 2-d ed. Cambridge, 2003.
- Fillmore 1968 – Ch. Fillmore. The case for case. New York, 1968.
- Fillmore, Kay 1993 – Ch. Fillmore, P. Kay. Construction grammar coursebook. Berkeley, 1993.
- Jakobson 1985 – R. Jakobson. N.S. Trubetzkoy's letters and notes. Berlin; New York; Amsterdam, 1985.
- Jakobson 1932/1971 – R. Jakobson. Zur Struktur des Russischen Verbums // Selected writings. II Word and language. The Hague; Paris, 1932/1971.
- Jakobson 1990 – R. Jakobson (with K. Pomorska). The concept of mark // On language. Cambridge (Mass.); London, 1990.
- Langacker 1987–1991 – R. Langacker. Foundation of cognitive grammar. V. I–II. Stanford, 1987–1991.
- Chomsky 2005 – N. Chomsky. Three factors in language design // Linguistic inquiry. V. 36. 2005. № 1.
- Greenberg 1966 – J. Greenberg. Language universals, with special reference to feature hierarchies. The Hague, 1966.
- Givón 1984 – T. Givón. Syntax. A functional-typological introduction. V. I. Amsterdam, 1984.
- Kibrik A. forthcoming – A.A. Kibrik. What's in the head of head-marking languages? or Is there case in the head-marking languages? Forthcoming.
- Onishi 2001 – M. Onishi. Non-canonically marked A/S in Bengali // A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon, M. Onishi (eds.). Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Sieverska 2004 – A. Sieverska. Person. Amsterdam, 2004.
- Silverstein 1976 – M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976.
- Shibatani 2005 – Shibatani Masayoshi. Japanese -te converbs: clause chaining and grammaticalization. Paper presented on Fourth International school in linguistic typology, Tsaghkadzor, Armenia. Yerevan, 2005.
- Wierzbicka 1988 – A. Wierzbicka. Oats and wheat: mass nouns, iconicity, and human categorization // The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.